

В Е Р А
Калачкава

Мы все заслуживаем
счастья

По праву
рождения

Секреты женского счастья

Вера Колочкова

По праву рождения

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колочкова В. А.

По праву рождения / В. А. Колочкова — «Эксмо»,
2024 — (Секреты женского счастья)

ISBN 978-5-04-196226-5

«По праву рождения» — это психологический роман, в котором поднимается важная тема судьбы и любви. Главная героиня Анеля пытается разобраться, действительно ли существует тот самый человек, единственный, который предназначен каждому по праву рождения. Эта книга поможет разобраться в себе и найти ответы на важные вопросы.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-196226-5

© Колочкова В. А., 2024
© Эксмо, 2024

Вера Колочкова

По праву рождения

© Колочкова В., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

*Секреты
женского счастья*

П Р О З А

Веры Колочковой

В Е Р А
Калачкова

По праву
рождения

Р О М А Н

МОСКВА
2024

Любви моей ты боялся зря –

*Не так я страшно люблю,
Мне было довольно видеть тебя,
Встречать улыбку твою.*

*И если ты уходил к другой
Иль просто был неизвестно где,
Мне было довольно того, что твой
Плащ висел на гвозде.*

*Когда же, наш мимолетный гость,
Ты умчался, новой судьбы ища,
Мне было довольно того, что гвоздь
Остался после плаща.*

Новелла Матвеева. «Любви моей ты боялся зря...»

«Матвей, я люблю тебя... Я очень тебя люблю. И знаю – ты тоже любишь меня. Кажется бы – вот оно, наше счастье... Но прошу тебя, не сердись, не обижайся, когда будешь читать это письмо. Обещаешь, правда?»

Еще в детстве я прочитала где-то, что каждому положена только одна главная встреча своего человека, любимого, единственного, – по праву рождения. Но только одна, понимаешь? И нельзя ее пропустить... Нельзя, чтобы она мимо прошла, а человек не заметил, не увидел, не понял... И, что бы мне ни говорили, я свято верила, что эта встреча у меня будет. Судьбой положена, предназначена.

Так случилось, да... Случилось, что мы с тобой увидели друг друга, все поняли, не пропустили. Нам повезло. Это счастье, Матвей. Ты – мой, а я – твоя. Мы – избранные. И это счастье всегда будет с нами, что бы ни произошло, как бы мы ни были с тобой разделены, ведь правда?

И потому... Не сердись на меня, пожалуйста! Как это ни странно звучит, но... Если мы все про себя знаем теперь, нам и расстаться легче, Матвей. Так надо. Ты же понимаешь. Счастьем не страшно, когда оно жертвует собой ради счастья других. Я очень люблю свою маму, и я должна... Пусть она будет счастлива. Она тоже любит, она тоже имеет право...

Это мой выбор, Матвей.

Не ищи меня, ладно? Я уеду. Я всегда буду любить тебя. Помни это, пожалуйста. Ты мой единственный... Тот самый, по праву рождения.

Прости, что не объяснила тебе всего этого там, на крыше... Я не могла. У меня бы не получилось, не достало бы сил. Письмом как-то легче.

Прощай. Твоя Анеля. Навсегда твоя».

* * *

Маргарита Сергеевна сидела за столом, подперев щеку ладонью, с улыбкой смотрела на внучку. И в который уже раз думала про себя: хороша как, чертовка! Вроде гадким утенком росла, худеньким заморышем, а теперь, смотри-ка, белым лебедем вылупилась. Век бы смотрела, и насмотреться бы не хватило! Да и вообще... Если со стороны на них посмотреть сейчас...

До чего же вся эта картинка милотой смотрится! Сердце радуется! Дорогая внучка Анеля пришла навестить в кои-то поры, и сидят они вдвоем, чаевничают тихо. Можно сказать, слишком тихо. Будто обе боятся эту благословенную тишину единения разрушить. Ведь как ни

крути, а любое словцо преувеличением будет казаться. И это еще хорошо, что уговорила милую внученьку кусок пирога съесть, обычно ведь не заставишь...

Да и не скажешь, что Анеля этот пирог ест. Просто жует равнодушно, чтобы ее не обидеть. Жует и молчит. Вот заговори с ней сейчас – наверняка не услышит. Вся в себе, в мыслях-фантазиях варится. Такие глаза, будто слепые... И тоже будто в себя смотрят. Нет ее, нет... И в кого она такая выросла, марсианка большеглазая? И что дальше будет, как суровая жизнь с ней обойдется, даже подумать страшно...

Маргарита Сергеевна вздохнула, провела сухой ладонью по столешнице, проговорила тихо:

– Да уж... Сижу сейчас, смотрю на тебя и думаю... Как ты жить-то будешь, Анеля? Не знаю даже... Такая ты...

– Какая? – эхом откликнулась Анеля и даже изобразила на лице нечто похожее на удивление. То есть подняла брови, оттопырила нижнюю губу и сдула упавшую на глаза легкую русую прядку.

– Да такая вот... Сама знаешь какая... К жизни не приспособленная. Ты ее будто и не видишь, жизнь-то. Будто обтекаешь ее легкомысленно. Сейчас-то, конечно, можешь себе позволить... А потом? Когда надо будет в эту самую жизнь штопором ввинчиваться, зубами ее грызть?

– А зачем ее грызть, бабушка? Не хочу я грызть...

– Ну, не грызть. Замечать хотя бы. Учиться за себя постоять, не дрожать перед каждой дверью.

– А я дрожу?

– Да ты и под дверью еще не стоишь, если на то пошло. Надо заранее смелость в себе вырабатывать, зоркость, выходить надо из фантазий своих! Социум любит смелых и решительных, которые все видят, которые ухо с глазом рвут! Которые любую дверь ногой открыть могут!

– Ой, ну и выражения у тебя, бабушка! – тихо засмеялась Анеля, откидывая голову назад. – Прямо хоть записывай за тобой, честное слово! Дверь ногой открывают, ухо с глазом рвут... Я прям представила даже, как это ухо вместе с глазом летит в сторону!

– А ты давай не смейся, ты лучше прислушайся к тому, что тебе говорят!

– Зачем, бабушка? Я все равно так не умею и не хочу... И вообще... Зачем дверь ногой открывать, если ее и рукой открыть можно? Нет, не хочу...

И что, что ей на это ответить? Ведь правда – рукой открыть можно. И даже нужно, если по большому счету. Но если бы все в нынешней жизни было устроено так, чтобы по большому и правильному счету... Ведь нет! Жизнь нынче другая, любит именно тех, кто ногой может любую дверь открыть! А тех, кто не может, так и вовсе не жалуется! Не хочешь ногой, стучишь в нее робко – так и не жди, значит, что она перед тобой распахнется!

– Дело не в твоём хотении, Анеля... Понятно, что ты не хочешь. И многие не хотят. Дело в том, что не можешь. Не умеешь... Зоркой наглости в тебе нет, необходимой для жизни, понимаешь? Вот что меня беспокоит, дорогая моя внученька.

– Хм... Ты хочешь сказать, что родители меня неправильно воспитали?

– Нет, не это я хочу сказать... Воспитание тут ни при чем. Просто... Просто мне жалко, что тебе не мамины гены достались.

– А мама, значит, такая? Ухо с глазом рвет, да? – насмешливо спросила Анеля.

– Да, мама у тебя такая... Может, и не рвет ничего, но коня на скаку остановит. И не только остановит, но и вспрыгнуть на него сумеет! И в горящую избу тоже... Если надо... А в тебе ничего этого нет, тебе не досталось. А жаль...

– А, поняла... Ты хочешь сказать, что у меня папины гены, да?

– Да, папины. Все к тебе перешли, до последней крошечки. И это не есть хорошо, вот в чем дело...

– Ну, бабушка... Не понимаю тебя. Папа же твой сын, а ты о нем говоришь... будто с сожалением.

– Да почему сразу с сожалением? Нет... Нет, конечно. Просто я констатирую факт... Да, ты вся в папу... Он такой же в твоём возрасте был. Да и сейчас тоже...

– Ну какой? Какой он, бабушка?

– Да такой вот... Из общего строя выбившийся. Рукой на себя махнувший.

– По-моему, с папой все хорошо... Живет своей жизнью и радуется. Как ему хочется, так и живет.

– Ну, допустим, это только звучит красиво. В этих самых новомодных тенденциях и звучит. Мол, надо жить так, как хочется.

– А разве это неправильно, бабушка?

– Нет. Неправильно. Потому что папа твой неудачник по большому счету. Потому что не смог натуру свою преодолеть. Он же... Он же внутри себя просто цветок нежный... А мужику не полагается цветочную душу иметь, ему камень внутри иметь надо, железобетон! Чтобы вперед идти, добиваться чего-то!

– Ой, бабушка... Ну что ты прям заиклена на этом стремиться и добиваться! Чем плохо цветочную душу иметь?

– Да я ж не говорю, что плохо... Я говорю, что жить с ней трудно. В любой момент можно под чужим сапогом оказаться, который этот цветок раздавит походя.

– Выходит, и я цветок, да?

– Конечно, еще какой... Сразу цветком родилась. У тебя натура, как нежная хризантема. И сама ты как хризантема... Любоваться на тебя можно, а трогать нельзя. Ну что ты смеешься, что? Разве я не правду сейчас говорю, Анеля?

– А может, мне нравится быть цветком, бабушка? И осознавать себя именно так... Нравится?

– А кому ж не нравится? Все бы хотели... Да только не все себе такое удовольствие могут позволить! Вернее, жизнь позволить не может... Ей ведь наплевать, как ты себя ощущаешь, ей главное, как ты с препятствиями борешься, которые она не устает перед тобой выстраивать! Вот потому я и боюсь – как ты жить будешь... Ветер холодный подует – и снесет хризантему к чертовой матери!

– Понятно... Вот и мама говорит, что я вся в папу... Особенно когда бывает мной недовольна.

– А ее-то он чем обидел, интересно? – обиженно произнесла Маргарита Сергеевна, пожав плечами. – По-моему, наоборот все было... Хотя я твою маму могу понять, что ж. Мало любить женщину, надо еще и силу характера ей демонстрировать. А мой Ваня... Да, он умный, тонкий, ранимый... А, да что там говорить, господи...

Маргарита Сергеевна махнула рукой, вздохнула, замолчала. Анеля смотрела на нее озадаченно, не зная, что сказать. Потом произнесла осторожно:

– Так ты ж его сама таким воспитала, он же твой сын... А теперь так говоришь, будто мама в их разводе виновата. По крайней мере, нотки у тебя в голосе такие...

– Да ничего я такого не говорю, не придумывай! Я ж тебе объясняю, что человеческая природа от воспитания не зависит! Кто родился хризантемой, тот всегда хризантемой и будет. А кто родился чертополохом, тот любой камень снесет с дороги и через асфальт пробьется! И сам себе все добудет, перед всеми ветрами устоит. Вот твоя мать – чистый чертополох, тут уж ни убавить, ни прибавить!

– Ты сейчас опять про нее с обидой говоришь, бабушка!

– Да нет, что ты... Это я просто так удивляюсь, как ее угораздило за моего Ваню замуж выйти? С Ваней-то все понятно – он любил... И до сих пор любит...

– Думаешь, любит? – тихо спросила Анеля.

– Конечно. Еще как любит. И не хотел бы, а любит.

– Как ты странно говоришь, ба...

– А чего странного ты услышала?

– Ну, что не хотел бы... Разве можно не хотеть, но любить?

– Можно. Еще как можно. Только не каждый с таким положением дел соглашается. Ну да ладно, оставим этот никчемный разговор... Скажи лучше, как у тебя складываются отношения с этим мальчиком... Кажется, Егором его зовут?

– Да никак. Вроде и есть эти отношения, и вроде их нет. Даже не знаю, как тебе ответить.

– Но он же вроде нравился тебе поначалу? Симпатичный такой...

– Да, внешне вполне симпатичный. А на самом деле он одноклеточный, ба. Скучный до ужаса.

– Что, книжек совсем не читает? – с явной иронией в голосе спросила Маргарита Сергеевна.

Анеля, конечно же, уловила эту иронию, глянула на бабушку с удивленной досадой. И произнесла тихо:

– Да не в книжках дело, ба... Хотя... И в них тоже, если честно. Он и правда ничего не читает, он только в телефоне все время сидит. Везде в Сети зарегистрировался и теперь считает святой обязанностью все отслеживать и везде след свой оставить. Знаешь, как собака... Она тоже озабочена обязательной меткой под каждым кустиком...

– Эк ты о нем, Анеля! Нехорошо, знаешь ли! – едва сдерживая смех, покачала головой Маргарита Сергеевна. – Больно уж строга, матушка! Тем более все теперь этой заразе подвержены!

– Да я разве против? Ради бога... Только он ведь и ко мне все время с расспросами пристаёт, почему я так же не делаю. Ну... Вроде как я ненормальная какая-то. Белая ворона. Я начинаю объяснять, почему этого не делаю, а он еще больше возмущается!

– А как ты ему объясняешь?

– Ну, вот вчера, например... Начала ему рассказывать про свою курсовую работу, там у меня такая тема интересная! Про социальное и духовное расслоение общества... В общем, я взяла за основу книгу Галины Щербаковой «Яшкины дети»...

– Ого! Спорная основа-то, не находишь?

– Нет. Но мы же сейчас не об этом, ба... Мы о Егоре...

– И что же Егор? Что ты ему поведала про духовное расслоение общества?

– Ба! Если ты будешь иронизировать, я вообще ничего рассказывать не стану!

– Все, все, молчу... Давай, с удовольствием послушаю. Я так полагаю, что в данном контексте «яшкины дети» звучат как имя нарицательное? Имеются в виду дети того Яшки, который хам-лакей из чеховского «Вишневого сада»?

– Ну да... Все правильно. Какая ты у меня умная, ба... Сразу все понимаешь. А вот Егор ничего не понял... Я ему рассказываю, что хам-лакей Яшка образно расплодил своих детей по белому свету и что они теперь правят миром... И что мы все в той или иной степени потомки этого самого Яшки... Нет, ну правда, если внимательно кругом посмотреть, ба! Ведь сплошные «яшкины дети» везде, одно хамство и чванство, и во времена Чехова со всем этим еще цветочки были! А наша современность более жестокая, хамство еще наглее стало и мнит себя определяющим новую духовность... И лезет везде, и командует... Что, разве не так?

– Понятно, что ж... А Егору, стало быть, твои рассуждения совсем не понравились.

– Ну да. Мне кажется, он меня и не понял... И обиделся даже. Долго молчал, потом спросил со злостью – я тоже, по-твоему, хам? Тоже Яшкин потомок? Зачем ты мне все это рассказала, мол, с какой целью? Еще и глянул так, знаешь... Будто я бред какой-то несу, будто я ненормальная и меня пожалеть надо. Да и не в этом даже дело, ба...

– А в чем тогда дело?

– Ну... В общей тональности, что ли... В том, что он все время раздражается будто...

– Чем раздражается? Что ты не такая, как он?

– Да нет... Понимаешь, он все время мне доказать что-то пытается, виноватой сделать...

Что я... Что не тороплюсь с этим самым... Ну, ты понимаешь, ба...

– А... Да, я поняла... Он сердится, что ты не хочешь близости, да? Но отчего он тебя торопит? Зачем? Так же нельзя... Дикость какая-то, ей-богу...

– Да не дикость, ба. Сейчас так принято, понимаешь?

– У кого так принято? У тех самых «яшкиных детей» так принято?

– Ой, не смейся! Хотя да, если по большому счету... Да, у «яшкиных детей» так принято. Если парень уделяет свое внимание девушке, то она априори обязана... Без этого просто никак...

– А ты, стало быть, увливаешь от обязанностей, да?

– Хм... Слово-то какое – увливаешь... Нет, я не увливаю, ба. Просто не хочу, и все.

– А как ты хочешь?

Анеля озадаченно уставилась на Маргариту Сергеевну, не зная, что ответить. Потом спросила вкрадчиво:

– Ба... Ты из любопытства интересуешься или действительно понять меня хочешь?

– Конечно, понять хочу! И помочь...

– Чем помочь?

– Да я и сама не знаю. Советы мои по времени наверняка давно устарели... В наше время не так все было, в наше время, помню, бабки своим юным внучкам говаривали что-нибудь этакое... романтическое... Мол, не отдавай поцелуя без любви...

– Как ты сказала? – тихо засмеялась Анеля. – Не отдавай поцелуя без любви?

– Ну да... Смешно тебе, ага?

– Нет, совсем не смешно. Знаешь, в этом есть что-то, смысл какой-то сакральный... Я бы с удовольствием этот постулат и в наше время перенесла... Если б у меня такая возможность была, конечно. Жалко, что я раньше не родилась, в твоё время не попала...

Анеля вздохнула, улыбнулась каким-то мыслям, потом глянула на Маргариту Сергеевну, будто решалась, надо ли озвучивать эти самые мысли или нет. Маргарита Сергеевна подтолкнула ее осторожно:

– Ну, давай, говори... Я ж вижу, сказать что-то хочешь.

– Да, хочу. Только ты не смейся, ладно? И не называй это моими фантазиями...

– Не буду. Давай, говори.

– Ну, в общем... Я долго думала над этим, ба, и пришла к определенному выводу... Я считаю, что каждый человек должен встретить того, кого должен встретить. Такая возможность дается ему всего лишь один раз...

– Ну-у-у, Анеля... – насмешливо перебила внучку Маргарита Сергеевна. – По-моему, ты сейчас Америку открываешь, тебе не кажется? Уж сколько раз твердили миру про эту предсловутую половинку! Мол, у каждого где-то бродит по свету его человек, лично для него предназначенный, и задача у этих половинок вполне определенная – надо обязательно встретиться и соединиться в единое целое. И будет вам счастье, как говорится. Разве не так? Это ведь еще Платон придумал такую легенду, а люди ее подхватили да выдали всю эту романтику в разных ипостасях, кто на что горазд! Мол, только встретившись, эти две половинки обретают единую целостность, покой и счастье. А на самом деле все не так, вовсе не так...

– А как, бабушка? – тихо спросила Анеля, нахмутив недовольно брови.

– А так... Нет на самом деле никаких половинок. И даже четвертинок нет. Люди просто встречаются, влюбляются, женятся. У одних получается, у других нет. Одни дружат, другие конфликтуют. Все от характеров зависит. Вот твои мать с отцом... Они ж вроде любили друг друга, и вроде все должно было срастись... Ан нет, не срослось. Характеры помешали. А если б

характеры меж собой переплелись... Жили бы себе дальше, вели общий быт, детей бы еще рожали... Вместе – так проще и легче. Так жить веселее. Вот тебе и вся легенда про эти пресловутые половинки...

– Нет, бабушка, я с тобой не согласна! То есть все ты правильно говоришь, да... Но я бы не хотела при этом исключать само предназначение, понимаешь? Когда именно этот человек предназначен другому человеку, и больше никак... Оно ведь не просто предназначение, оно ведь как обязательство дается, я думаю. Как статус. Как документ... Ну, как свидетельство о рождении, например, только не на бумаге. Ты родился на свет, и у тебя возникает право на счастье – любить... Того самого любить, твоего единственного, тебе по праву рождения предназначенного. Потому и обязательство возникает – найти его и не ошибиться.

– Хм... По праву рождения, значит?

– Ага. По праву рождения.

– И кто ж его выдает, этот документ интересный?

– Ну, не знаю... Судьба, провидение... Бог... Это уже другой вопрос, кто выдает... Главное, надо правильно им распорядиться. Не торопиться, не бежать впереди паровоза, а думать и приглядываться, сердце слушать.

– Ну, знаешь... Так можно до пенсии сердце слушать и куковать одной...

– Вот-вот, ба! Многие так и рассуждают! И все делают впопыхах, а еще от страха... Боятся не соответствовать законам, которые диктует социум! Не с тем в постель ложатся, не за того замуж выходят, не на той женятся... Потом, когда разочаруются, разбегаются в разные стороны и снова торопятся с кем-то соединиться, опять наступают на те же грабли! Вместо того чтобы слушать себя, ныряют в следующее по счету обманное очарование. Нет, я так не хочу, бабушка...

– Ох, Анеля... Какая ты еще... Даже слова подобрать не могу...

– Какая, ба? Наивная и романтическая, да? Слишком сентиментальная? Неправильная?

– Ну да, в общем... Нет, про вторую половинку я, может, и согласна, да... Но это ведь еще не значит, что надо на одном месте сидеть в ожидании этой половинки! А как же тогда опыт, сын ошибок трудных? Ведь надо же опыта набираться, чтобы на основе его понять, встретила ты свою половинку в конце концов или нет!

– А я пойму, бабушка. Я это сразу пойму, я знаю. Я дождусь.

– Ну, если так рассуждать... А вдруг не поймешь? А вдруг совсем не дождешься? Я считаю, что нельзя себя загонять в рамки одного только ожидания неприкаянного. Законы мироздания и продолжения рода никто еще не отменял. Я думаю, тебе надо пересмотреть свои взгляды на этот щекотливый вопрос. А если уж речь зашла о лимитах, которые даются человеку по праву рождения... У меня тоже свои соображения по этому поводу есть.

– Какие, бабушка? Скажи...

– И скажу! Может, они не совсем романтические, но я долго на свете живу, мне романтики по возрасту уже не положено. Исчерпала я всю романтику, если опять о лимитах толковать. Так вот, если без романтики... Я считаю, что при рождении каждому выдается сертификат не только на встречу любимого, но и на саму любовь. Вернее, на силу любви, на ее качество.

– Хм... Ты считаешь, любовь определяется силой и качеством?

– А как же! Конечно. Кто-то может молниеносно влюбиться и так же молниеносно разлюбить, оставив объект любви в несчастном недоумении. Потом опять так же влюбиться и разлюбить... И везде после себя деток оставить. И потом забыть о них благополучно. И в итоге лимит на любовь у него истончается, сходит на нет... Остается злая несчастная оболочка – вроде и есть человек, и вроде нет его... А кто-то всю жизнь несет в себе любовь в полном объеме, и достается она одному только объекту, да вот незадача – не нужна объекту эта любовь. Совсем не нужна. И что тогда делать? Молить небеса, чтобы освободили его от этого дара? Так ведь не освободят... И не знаешь почему. Может, там, наверху, считают, что это грех боль-

шой – отказываться от подарка... Что только избранных им награждают... По праву рождения, как ты говоришь... И ведь не спрашивают при этом, каково с этим подарком через всю жизнь пройти!

Маргарита Сергеевна вздохнула горько, оплела пальцами пустую чайную чашку. Анеля глянула на нее осторожно, спросила тихо:

– Это ты сейчас о папе говорила, да, бабушка?

– Да, о папе. О ком же еще...

– Но если бы папа любил маму, как ты говоришь... Зачем тогда он сам ушел?

– Это тебе мама сказала, что он сам ушел?

– Ну да... Почему он ушел, бабушка? Кому от этого лучше стало, не понимаю? Ну скажи, а?

– Да не знаю я... Что ты мне допрос устроила?

– Я? Допрос? Да ты же первая начала, бабушка!

– Ну ладно, ладно... Какая разница, кто первый начал, кто не первый... И вообще, не будем больше говорить об этом, слишком уж спорная тема, согласишься? Да и не мне с тобой спорить... Мне уж и по возрасту не положено.

– Да при чем тут возраст, бабушка! Сразу уж и возраст...

– А ты как думала? С возрастом ведь все представления о мире меняются, да... Вот хотя бы относительно этой пресловутой теории двух половинок... Я ведь раньше тоже во все эти бредни романтические верила, а сейчас все больше понимаю, что я сама, как есть, и представляю собой единое целое, и никто мне рядом не нужен. И даже не приведи господь, правда! Вот она я, какая есть, и мне с собой хорошо! Смотреть в себя куда интересней, чем горевать о том, что могло случиться, да не случилось. Но это уже отдельная тема, тебе неинтересная...

– Почему же? Мне интересно, бабушка.

– Да ну... – махнула рукой Маргарита Сергеевна. – Налей-ка мне еще чаю, и покрепче! Посуетись... Ой, я ж забыла! У меня же варенье абрикосовое есть, соседка вчера угостила! Такое вкусное, с грецким орехом... Достань там, в холодильнике, на верхней полке!

Анеля поднялась из-за стола, начала неловко передвигаться по кухне. Маргарита Сергеевна исподтишка наблюдала за ее суетой, тихо удивляясь про себя, как в этой девочке совмещается несовместимое – эта угловатость, эта детская худоба и грация, и прелесть короткого взмаха руки, и этот жест, каким она откидывает с лица волосы... Да уж. Будет кому-то счастье, ничего не попишешь. Во все это ведь очень легко влюбиться именно потому, что оно такое неловкое и такое нежно грациозное. А еще эти светлые волосы, эти синие глаза... Которые смотрят на тебя и не видят. И это ведь тоже стимул для влюбленности, коварная замануха – отчего ж, мол, не видят-то? Вот он я, претендент на вторую половинку, как меня можно не видеть? И что там внутри такое у этой девочки спрятано, отчего синий взгляд внутрь направлен, отчего же не на меня? Неправильно это, несправедливо! Надо постараться, чтоб на меня смотрела! А пока стараюсь, и не пойму, что увяз коготок, и всей птичке конец... Даже жалко стало заранее этого претендента на вторую половинку, ей-богу!

Анеля почуяла ее взгляд, обернулась, улыбнулась...

Да, и эта улыбка ангельская – тоже хорошая замануха. И не захочешь, а улыбнешься в ответ, и зазвенит в душе тонкая струнка счастья, невесть откуда взявшаяся. Помнится, Ваня в детстве так же ей улыбался, да...

– Ты давно у отца была, Анеля? – неожиданно для себя спросила Маргарита Сергеевна.

– Давно, бабушка... – эхом откликнулась Анеля, пытаясь открыть банку с абрикосовым вареньем. Пыхтела от натуги, елозя тонкими пальчиками по жестяной крышке – не получалось никак.

– Дай сюда, я сама открою... А к отцу надо бы съездить, чего он там один да один... Хочешь, в этот выходной вместе поедем?

– Давай... Но я только в воскресенье могу, ба. В субботу мне надо к преподавателю на дом идти... курсовую показывать.

– Ту самую курсовую про «яшкиных детей»? Про то, как они комфортно устроились в новых реалиях?

– Ну да...

– И кто ж тебе такую щекотливую тему посоветовал, интересно?

– Да почему сразу щекотливую, ба? Не я же эту параллель провела, правда? Курсовая – всего лишь тематика повести Галины Щербаковой. Не забывай, что я в гуманитарном университете учусь, на факультете журналистики. Сейчас у нас идет курс литературного редактирования. И курсовую эту давно бы написать пора, да преподаватель заболела, Анна Антоновна... В деканате говорят, она после болезни может совсем уволиться. Так жалко, знаешь... Анна Антоновна такая... Я прям влюбилась в нее, ба! В субботу она обещала меня дома с курсовой принять... С ней так интересно разговаривать, если б ты знала! Я каждое слово ловлю... Так жалко, что она заболела, правда!

Анеля говорила и все больше распалась восторгами, взмахивала руками и чуть не смахнула со стола стеклянную банку с вареньем – едва Маргарита Сергеевна успела ее удержать в последний момент. И глянула на внучку с укором, да только куда там... Никаких укоров и взглядов Анеля все равно бы не заметила. Так увлеклась своим рассказом о преподавательнице по имени Анна Антоновна. Взахлеб увлеклась. Даже ревность немного пробила...

Вот с детства она такая, Анеля. То слова из нее не вытащишь, то восторгами вдруг зайдет. И фантазии эти вечные... Сначала сказки сочиняла, потом стихи. Потом чтением увлеклась, причем страстно-запойно, на улицу не могли выгнать. А если выгоняли, то все равно обнаруживали где-нибудь на скамейке с книжкой в руках. Бывало, отрываешь ее от книги, а она глаза поднимет, полные синевы да отчаяния такого безысходного, что вздрогнешь испуганно и рукой махнешь – ладно, читай дальше, что ж...

И в школе белой вороной была, с трудом в коллектив вписывалась. Хорошо, что Юля, невестка, умела как-то все опасные ситуации разруливать, с учителями запанибрата якшалась, подружек для Анели приваживала. Нет, что ни говори, а Юля – хорошая мать...

Маргарита Сергеевна так задумалась, что не услышала вопроса Анели. Очнулась только тогда, когда Анеля тронула ее за руку:

– Ба... С тобой все в порядке? Я спрашиваю, а ты не слышишь...

– Да, извини, я что-то в мысли утекла... О чем ты меня спросила, дружочек?

– Да я говорю, мне пора уже... Меня Егор ждет. Мы договорились встретиться в семь часов. А сейчас уже без пятнадцати.

– А, ну да... Иди, конечно. Нехорошо заставлять себя ждать. Хотя и полагается даме опаздывать.

– Ну так это даме... А я ж не дама. Ну ладно, бабуль, я побежала, пока! Я позвоню вечером...

Маргарита Сергеевна подошла к окну, стала смотреть, как Анеля идет по двору. Как же, торопится она, бежит... Да не дождетесь! Так идет, будто никуда не опаздывает. Еще и голову задрала, словно к ветру прислушивается – нельзя ли его поймать, да вверх взмыть, да полететь...

Бедный, бедный Егор. Похоже, попался на эту удочку. Если девушка не торопится на свидание – плохи твои дела, Егор...

Пока мыла посуду, все крутилась в голове фраза, произнесенная Анелей. Как она там сказала – только одна любовь дается по праву рождения? Та самая, единственная и неповторимая? А остальное все – от лукавого?

Надо же, как сурово внучка разобралась с любовью-то. Молодая еще, максималистка. И сама еще не успела влюбиться, а рассуждает... Господи, да у некоторых людей к возрасту столько этих любовей набирается, что и пальцев на руках не хватит, чтобы сосчитать! И каждая из них единственная и неповторимая...

Или нет? Не каждая все же?

Маргарита Сергеевна вытерла руки кухонным полотенцем, прошла в гостиную, села на диван, включила телевизор. Тут же ворвались в гостиную звуки скандала, который сопровождает передачу, выходящую в эфир каждый вечер. Две женщины вполне благополучного интеллигентного вида сидели на мягких диванах и выясняли отношения, перекрикивая друг друга. Спорили о том, кого больше любит мужчина... Законную жену или любовницу.

И тут про любовь, надо же... И тут она единственная и неповторимая. Кричит во весь голос обиженной женщины – меня он любит, меня! А ты, дрянь такая, в мою семью ворвалась, любовь у меня отнять собралась!

Даже вникать не хочется в этот скандал, надоело уже – каждый день одно и то же. Лучше на другую программу переключить, там фильм старый идет... Классикой уже стал. С молодой Дорониной в главной роли. Как она страстно спрашивает своего физика, как смотрит ему в глаза... «Я не могу объяснить. Я все понимаю, но ничего не могу объяснить. Как собака. Кошка, собака... Я люблю тебя. Я тебя люблю. Ты меня любишь?»

Да, героиня права. Невозможно ничего объяснить. Если даже к своему опыту обратиться... Разве мало она в жизни любила? Два мужа было, и обоих любила. И умирала от горя, когда хоронила... И романы тоже были, и переживания всяческие, и ожидание телефонных звонков до обморока. Все, все было...

Да, было. Только если самой себе честно признаться... Ведь может она себе это позволить сейчас, когда поневоле приходится оглянуться и понять, что в памяти остался только один мужчина! Много их было, но помнит по-настоящему только одного, да! Хотя и особых страстей с ним не случилось, а помнит...

В студенчестве эта встреча была, на каникулах. Она тогда впервые к морю одна отправилась, мама путевку в пансионат достала. Он был местный, на мотоцикле ее возил по побережью, и ничего такого страстно романтического меж ними и не было... Вместо него были шум ночного прибоя да край скалы, на которой они сидели, свесив ноги. И молчали. Смотрели сверху на лунную дорожку. И такая внутри нежность была, такой покой...

Потом она домой уехала, он каждый вечер ей звонил. В одно и то же время. Мама еще шутила – какой, мол, кавалер пунктуальный... И она спешила каждый вечер домой, чтобы не пропустить звонок. Спешила и была счастлива. А потом это ощущение счастья сошло на нет... И новые отношения появились, и закружилась в них легкой бабочкой. Замуж за своего первого мужа выскочила...

Да, много времени с тех пор прошло. Целая жизнь утекла. Только память осталась. И вот поди ж ты, какой коварной эта память оказалась, а? Ничего толком в себе не сохранила, можно сказать, отторгла почти, отсеяла, а тот мальчик из ее студенческих каникул таким ярким видится! Смотрит на нее грустными карими глазами, будто спрашивает – ну что же ты... Мимо прошла... Ведь это я был, твой единственный, а ты моя...

Интересно, что с ним стало потом? Вспоминал ее или нет? Может, он сейчас тоже о ней думает... Черт возьми, может, Анеля не так уж и не права в этом своем открытии, а? Может, и впрямь только одна любовь дается по праву рождения, но мы часто мимо нее проходим? Другими дорогами идем? И пока идем, она прячется внутри нас обиженно... И только в конце дороги дает о себе знать яркой памятью, сожалением... Да, именно так, сожалением, причем довольно горьким! Когда понимаешь, что главное что-то сама упустила, и любишь эту память уже запоздало...

Да, жаль. И Электрона из старого фильма жаль. Не понял вовремя своего счастья.

Хорошо, что телефонная трель выдернула ее из грустных мыслей. Увидела, что Ваня звонит, поторопилась ответить:

– Да, сынок... Здравствуй, мой дорогой...

– Как ты, мам? Все хорошо?

– Да, все хорошо. Анеля недавно приходила, посидели с ней немного. Решили, что скоро к тебе соберемся, давно не виделись. Успели соскучиться.

– Да, я тоже по вам скучаю. Буду рад, если приедете.

– У тебя голос грустный, сынок...

– Да все хорошо со мной, мам, не волнуйся. Жизнь идет своим чередом. Сегодня мой класс контрольную писал, отличные результаты показали, я даже не ожидал...

– Ну отчего ж не ожидал? Ты прекрасный учитель... И студенты твои на руках тебя носили, я помню... И мне очень жаль, что...

– Мам! Не начинай, а? Мы же все давно уже решили!

– Ну почему, Вань, почему? Ты же докторскую написал, ты кафедрой руководил в институте! Ну что ты там не видел, в богом забытом Ясенева?

– Да перестань, мам... Везде люди живут. И детей надо кому-то учить, правда?

– Но ты ж там совсем один...

– Мам, перестань... Чего ты вдруг жалеть меня вздумала?

– Да сама не знаю... Настроение у меня сегодня такое... Плаксивое. Хотя вроде и не случилось ничего такого из ряда вон выходящего. Ладно, я больше не буду, Вань. Все, все! Честное слово, не буду!

– Ну, вот и молодец... Выпей пустырника и ложись спать пораньше.

– Да, так и сделаю...

– Тогда пока, мам?

– Да, сынок, пока. Спасибо, что позвонил...

Нажала на кнопку отбоя, откинулась на спинку дивана, сглотнула слезы. Нет, что это она, в самом деле, раскисла? Теперь и Ваня станет за нее переживать...

Но ведь и правда досадно, что все у него так сложилось! Будто шел по прямой дороге, шел и жизни радовался, и вдруг эта дорога свернула куда-то в сторону, и сплошное бездорожье пошло! Как Юля подала на развод, так и пошло...

Юля, Юля... До сих пор вспоминается тот вечер, когда Юлю увидела. И будто почувствовала сразу опасность какую-то, тревогу за сына. Хоть и не предвещало ничего... Счастливый был, возбужденный. Так на Юлю смотрел... Так хотел, чтобы она маме понравилась! И ведь знал, что она не скажет ничего такого, что в их совместное счастье не впишется. Да и как бы она сказала? Видела же, как Ваня влюблен...

И Юля тоже видела. И все понимала. Смотрела на нее медовым хитрованским прищуром, улыбалась вежливо. И за этой вежливостью тоже сквозили решительность и готовность к борьбе за Ваню. Мол, не сопротивляйся даже, дорогая потенциальная свекровь, все равно он мой будет. Сколько мне надо, столько и будет.

Нет, Юля хорошей женой была, тут уж не убавить, не прибавить. Сильная, пробивная, решительная. Ваня ведь, чего уж греха таить, слегка инфантильным рос, весь в своей математике-физике... В школе отличник, в институте тоже в первых рядах. Потом, после института, в аспирантуре остался, потом на кафедру его взяли... Юля ему помогала вперед идти, конечно. Вдохновляла, давала эмоциональный заряд. При ней он кандидатскую защитил, потом докторскую. Только-только место завкафедры получил, и вдруг...

Анеле тогда двенадцать лет исполнилось, когда Юля решила развестись. Объявила об этом как-то вдруг... Так объявила, будто обухом по темечку вдарила. Все враз, без подготовки. Разлюбила, мол, извини. Полюбила другого. Иди своей дорогой, Ваня, а я пойду своей.

И все... Будто не стало Вани. Сломался, как хризантема под тяжелым ботинком. Юля только плечами пожала в недоумении – ты чего, мол, ты ж мужик... Не положено тебе так по природе, ты что...

Ну вот как она могла рассуждать о природе, а? Будто не знала, какая у него природа! Все она прекрасно знала, все понимала... И знала, как Ваня любит ее. И что больше никого и никогда полюбить не сможет. Что она и есть та самая, единственная, которая на всю жизнь...

Нет, осуждать ее за это нельзя, конечно же. Никто и не спорит, если разумом на всю ситуацию смотреть. А если сердцем материнским... Как пережить это осознание, что счастье у сына кончилось? Да что там счастье... Вся жизнь будто кончилась. Когда узнала, что он из института уволился, чуть с ума не сошла... Да еще и объявил, что жить уезжает на дачу в Ясенево!

Они ж в это Ясенево всей семьей ездили... Дом там справный был, родители второго мужа наследство оставили. И летом, и зимой жить можно. Баньку топить, шашлыки жарить, в гамаке под березами нежиться. Можно сказать, дом безмятежного счастья... Кто ж знал, что Ваня его своим пристанищем выберет и поселится там, в школу местную пойдет учителем, и никакими силами его оттуда не выманишь! Живет теперь как бобыль, несет в себе любовь невостребованную, оскорбленную. Они с Анелей приезжают к нему на выходной. Мать да дочь. И каждый раз пытаются уговорить уехать... Да без толку. Ваня одно твердит – не надо, мол, это мой выбор. Я так хочу, мне так лучше, и все тут...

И Юля живет вдвоем с Анелей, никто у нее не появился. Кого она там полюбила – неизвестно... Не станешь ведь ее спрашивать, правда? Свекровкам такие вопросы не положено задавать, особенно бывшим свекровкам. Хорошо, что хоть Юля совсем отношения не разорвала, общается с ней иногда. Все же Анеля ей внучка, никуда от этого не денешься...

* * *

– ...Извини, я опять опоздала... – тихо проговорила Анеля, подходя к Егору. – Давно меня ждешь, да?

– Я пришел, как договаривались, ровно в семь! И жду тебя полчаса! Ты что, на время не смотришь?

– Смотрю...

– Тогда зачем спрашиваешь, давно или не давно? Это ж и так понятно!

– Ты сердишься, да? – удивленно спросила Анеля.

Егор улыбнулся одним уголком рта, слегка дернул плечом. Анеля подумала виновато – как странно он сейчас улыбнулся... Будто его нервным тиком дернуло. И тут же устыдилась мысли – ну зачем она так? Сама же опоздала, сама же придумывает себе что-то. Но вслух произнесла весело:

– Не сердись, чего ты! Между прочим, девушке положено немного опаздывать!

– Это где такое написано, не понял? С чего ты взяла?

– Ну как, с чего... В книгах написано, которые я читала... И вообще... Так принято, понимаешь?

– Кем принято? Ну вот конкретно – кем? Покажи мне, где это черным по белому написано?

– Да нигде не написано... Это такой этикет негласный. Давно уже установленный. Девушка, когда идет на свидание, может и опоздать... По крайней мере, обижаться на это смешно. Это же общеизвестная истина, Егор! Ты что, правда никогда об этом не слышал?

– Да ерунда... Мы ж не в прошлом веке живем, чтобы этикетки всякие соблюдать. Скажи еще, что я должен сейчас перед тобой расшаркаться, как гусар, или в реверансе склониться – ах, мол, прекрасная маркиза, как я рад, что вы все-таки появились!

- В реверансе только дамы склоняются, Егор. Ты все перепутал.
- Ой, да какая разница, блин... Просто я считаю, что никто не должен опаздывать, ни я, ни ты. У нас же это, как его... Равенство, да?
- То есть по гендерному признаку равенство, хочешь сказать?
- Ой, вот только не надо сейчас умничать, ладно? Терпеть не могу, когда умничать начинают. Или ты хочешь показать мне, что я не такой умный, как ты?
- Да ничего я не хочу показать...
- Вот именно, что хочешь! Все время стремишься меня уесть. И вот еще что, я не понял... Ты специально, что ли, так делаешь? Чтобы я стоял тут, психовал, придешь или не придешь? Чтобы звонил тебе через каждые пять минут?
- Ой, а ты звонил?
- Да, я звонил! Еще полчаса назад звонил, ты не ответила!
- Прости, я не слышала... Я у бабушки была, мы с ней заболтались, и я не заметила, как время прошло.
- С бабушкой? Не понимаю... Как можно вообще заболтаться с бабушкой? Ну ладно... с подругой... Но с бабушкой? Даже не представляю себе такое... Вот я бы сидел и болтал со своей бабкой... Слушал бы ее причитания, как она всех подряд костерит... Да на фига?
- Моя бабушка не причитает, Егор. И никого не костерит. Она очень умная, с ней интересно общаться. И я ее очень люблю.
- Егор долго смотрел на нее, нахмутив лоб, будто пытался понять, серьезно она сейчас говорит или нет. Может, издевается над ним просто. Потом вздохнул, проговорил тихо:
- Странная ты все-таки, будто не в себе какая-то... Иногда я тебя совсем не понимаю. Будто с луны свалилась. На других девчонок совсем не похожа. Может, поэтому меня к тебе так тянет, а? Даже сам удивляюсь! Ну вот какого черта я стою тут как идиот, названиваю тебе, психую! Делать мне больше нечего, да?
- Так я ж тебя не заставляю, Егор... Ты сам позвонил и пригласил меня погулять... Если хочешь, я прямо сейчас могу уйти.
- Анеля сделала движение, намереваясь развернуться, но Егор удержал ее за локоть, проговорил обиженно:
- Чего сразу уйти-то? Я ж просто так сказал... Я парень простой, что думаю, то и говорю. И ты тоже... Это... Не обижайся на меня, чего уж... Я просто боялся, что ты вообще не придешь, кинешь меня... Ну не обижайся, Анель, правда!
- Ладно, я не обижаюсь. Мы ж не для этого встретились, чтобы друг на друга обижаться, ведь правда?
- Ну да... Мамка моя привет передает тебе, кстати.
- Анеля кивнула, улыбнулась вежливо. Вспомнила, как три дня назад Егор знакомил ее со своей мамой. Она не хотела идти, отказывалась долго, но все же сдалась. И чувствовала себя в гостях очень скованно. И жалела, что согласилась. Почему-то казалось, что этим походом к маме она на себя какие-то обязанности взваливает, и вообще... Очень терялась, чувствуя, как ее разглядывают с любопытством. И ругала себя – ну зачем она пришла, зачем...
- А чего ты не спросила даже, понравилась моей мамке или нет? Я все жду, когда спросишь...
- А это так важно, да?
- Ни фига себе... Тебе все равно, что ли? – снова спросил Егор обиженно.
- Нет, почему же... Не все равно...
- Так спроси, если не все равно!
- Ну хорошо... Понравилась я твоей маме или не понравилась?
- Даже не знаю, что тебе и сказать... – моментально напыжился Егор, тяжело вздохнув. Так тяжело, будто не сам с трудом выудил из нее интерес, а она долго приставала к нему с вопро-

сом. – С одной стороны, ты ей понравилась, конечно, а с другой... Ты ж молчала все время, как партизан на допросе. Мамка к тебе со всей душой, с вопросами всякими, а ты не больно в ответ разбежалась... Что, разве не так было, скажи?

Анеля только плечами пожала, вспоминая свое неуклюжее общение с мамой Егора. Да, чего уж там говорить, встретила она ее очень благожелательно. Даже слишком. Чуть ли не с объятием к ней кинулась. Усадила за стол, суетилась по комнате, говорила без умолку.

– Я сейчас, Анелечка, я сейчас... Чай будем пить с вареньем, я блинов напекла... Ты вишневое варенье любишь, Анелечка? Надо же, имечко какое у тебя необычное... Кто ж такое придумал-то, интересно? Папа? Мама?

– Не знаю... Они вместе придумали, наверное.

– А они у тебя каких кровей, папа-то с мамой?

– Простите, не поняла...

– Ну... Фамилия у тебя какая? Поди, не русских кровей-то? А?

Мама Егора даже замерла на секунду, востренько на нее глянув, будто иголкой насквозь пронзила. И, не дождавшись ответа, тут же снова заговорила быстро:

– Хотя вроде смотрю на тебя и не вижу ничего такого... Красивенькая ты, личико чисто русское. А мамка-то с папкой вместе живут или как?

– Нет. Они в разводе давно.

– Ишь ты... В разводе, значит... И я тоже с отцом Егорки в разводе, одна напрягаюсь, сына ращу. Нынче все бабы так и живут, куда ни сунься! Мужикам-то деточки совсем не нужны! И попробуй-ка вырасти вас! Одень, обуи, образование дай! Да смотри еще, чтобы дитенок твой с плохой компанией не связался, где пьют да всякую дрянь употребляют... Ты уж присматривай за Егоркой-то, ладно? Вишь, он тянется к тебе... Со мной вот знакомиться привел...

Анеля кивнула неловко и глянула на Егора, будто ждала, когда он остановит мать, скажет хоть что-нибудь. Но лицо у него было очень довольным, слегка снисходительным даже. И потом, когда ее домой после гостевания провожал, тоже молчал многозначительно. И только сейчас спросил вдруг, почему она не интересуется тем, как отнеслась к ней мама...

– ...Ты ж сидела как истукан, даже не улыбнулась ни разу, помнишь? Мамка и так и сяк перед тобой выплясывала, а ты...

– Значит, я ей не понравилась, да?

– Ну, я этого не сказал... Говорю же, с одной стороны, вроде ты ей понравилась, а с другой... С одной стороны, говорит, хорошая ты, не шалава. Приличная вроде девушка. А с другой... Малахольная какая-то. Разговор не поддерживаешь, сидишь, будто чужая. Трудно тебе было хоть пару слов сказать, что ли? Вот скажи – трудно? Чего ты все время из себя соорудить что-то пытаешься, а? Ну чем ты лучше меня, скажи?

– Егор... Извини, но я не знаю, как отвечать на подобные вопросы. Наверное, мы с тобой разные очень, извини.

– То есть я все же плохой для тебя, да?

– Нет, ты не плохой... Я ж тебе объясняю – мы разные. И, наверное, зря согласилась прийти...

– Ну чего ты опять начинаешь, а? Зря да не зря... Ну зачем ты? Я стоял тут, ждал тебя... Звонил...

– Извини. Ладно, пойдем гулять. Мы ж гулять хотели, правда?

– Ну да... Хотели. Да только погулять мы всегда успеем... У меня к тебе другое предложение есть.

– Какое, Егор?

– У меня сегодня у одного знакомого пацана днюха наметилась. Там тусовка такая будет – зашибись! Пацан-то не из бедных, и бухло хорошее будет, и музон клевый... Пойдем, а?

Анеля растерялась, не зная, что ему ответить. То есть как бы так вежливо отказаться, чтобы он не обиделся. Да и вообще... Не надо было сразу идти на это свидание, ведь не хотела, а согласилась зачем-то! Просто неловко было отказывать... Подумала – ну что будет плохого в том, что они с Егором просто погуляют? Он сам так и сказал – мы просто погуляем, и все...

– Ну вот чего ты опять напряглась, чего? – немного нервно спросил Егор, не выпуская ее локоть из руки. – Ну что я такого сказал, а? Всего лишь в гости позвал... Говорю же тебе – там тусовка классная будет... И нас уже ждут, мне пацан недавно звонил! А мы тут стоим, время теряем!

– Ты иди один, Егор, без меня... Мне не хочется что-то...

– Почему тебе не хочется, объясни? Ну почему?

Анеля снова дернулась, пытаясь освободить локоть из его цепких пальцев. Пробормотала тихо:

– Да ничего я не хочу тебе объяснять... Не хочу... Пусти... Пусти меня, Егор!

– А, понял... Понял, кажется. Ты боишься, что все будет как в прошлый раз? Все еще помнишь, что ли? Вроде уж забыть пора...

– Да ничего я не боюсь... Пусти!

Конечно же, она помнила, как все было в прошлый раз. Как пошли в гости на день рождения к девушке по имени Кристина, как там грохотало что-то из динамиков, лишь отдаленно напоминающее музыку, как отплясывала под нее распаренная алкоголем и бестолковым весельем тусовка. И как она себя чувствовала во всем этом безобразии – просто ужасно... Как Егор увел ее в пустую комнату и плотно закрыл за собой дверь, жадно принялся целовать, елозить руками по телу, и она жутко растерялась от такого напора. И опомнилась, когда он повалил ее на кровать, и выскользнула ужом, бросаясь к двери и проговаривая почти истерически:

– Не смей! Не смей меня больше трогать! Ты с ума сошел, что ли? Как тут дверь открывается, я не могу ее открыть...

Егор сел на кровати, смотрел, как она мучается с дверью, потом проговорил сердито:

– Да открою сейчас, не суетись... Объясни мне лучше... Ты совсем тупая, что ли? Сколько можно меня мучить, объясни? Ты издеваешься надо мной так, да? Кайфуешь от этого?

– Почему... Почему я издеваюсь? Я не понимаю...

– Да все ты прекрасно понимаешь! Ну сколько можно уже, а? Что мы как пятиклассники ходим туда-сюда по улице, гуляем, на луну смотрим? Так и будем дальше гулять? Ты меня за идиота держишь, что ли? Объясни?

– Да не буду я ничего объяснять... Потому что я не знаю, как и что тебе объяснять... Я домой хочу! Выпусти меня, открой дверь!

– Да иди, господи... Связался с тобой, дурак... Сразу надо было сообразить, что ты такая мутная! Динамо бежит, физкульт привет!

Встал, открыл дверь, и она выскочила в прихожую, оттолкнув по пути кого-то. Нашупала дверной замок, но дрожащие пальцы не слушались, и чья-то рука протянулась сзади и повернула собачку замка в нужную сторону. Выпрыгнула в открывшуюся дверь и услышала позади досадливый голос Егора:

– Да погоди ты, ненормальная... Я провожу...

Потом бежала по улице, как испуганная газель. Успокаивала себя мыслью: чего она, в самом деле... Все равно бы он с ней ничего силой не сделал. Наверное, и правда очень глупо себя повела!

На следующий день Егор позвонил, долго извинялся. Мол, пьяный был, не соображал ничего. Просил встретиться, но она наотрез отказалась. Потом еще Кристину прислал, их общую знакомую. Ну, как общую... Кристина была хозяйкой вчерашней вечеринки, и она даже в лицо ее не помнила. То есть совсем не помнила. Открыла дверь, спросила удивленно:

– Вам кого? Вы дверью ошиблись, наверное?

– Чего сразу дверью-то? – обиженно спросила Кристина, пожав плечиком. – Ты что, меня и в самом деле не узнала или придуриваешься? Ты же вчера с Егором ко мне в гости приходила! Я Кристина, это мой день рождения вчера праздновали!

– А... Ну да. Теперь вспомнила...

– А если вспомнила, так пригласи в хату войти! Не на лестничной же клетке нам разговаривать!

– Да, проходи, Кристина. Только я не понимаю, о чем нам говорить...

– Да я и сама толком не знаю. Но Егор с ножом к горлу пристал – иди да иди! Мол, объясни ей, чтоб не обижалась! Куда мне проходить-то? На кухню? Может, кофейку нальешь, а?

– Да, проходи... Да только я и не обижаюсь вовсе... По-моему, мы с Егором все решили, мы больше не встречаемся. О чем еще говорить?

– Ну, допустим, это ты так решила. А Егор иначе считает. Слушай... Меня прям распирает, так спросить хочу... А ты правда того... Ну... Ты правда девственница? Или просто ему мозги пудришь, цену себе набиваешь?

– Я не буду это обсуждать, Кристина.

– Почему?

– Потому. Не хочу, вот и все. Ты кофе с сахаром пьешь?

– Да... И с молоком тоже. И я бы какой-нибудь бутербродец еще зажевала. Я не слишком нагло себя веду, нет? Просто я есть хочу... А на голодный желудок ни одной мысли в голову не приходит, сама понимаешь.

Анеля отвернулась к холодильнику, достала масло, сыр, нарезала тонкими ломтиками белый батон. Кристина тем временем сидела, гнула свою линию:

– В общем, Егор меня просил, чтобы я тебе... Как бы это сказать... Все правильно объяснила. Как девушка девушке. Ты уж не обижайся, но я прямо говорить буду, ага?

Не дождавшись ответа на свой вопрос, заговорила еще решительнее:

– Ну в самом деле, подруга, ты сильно косячишь, только зачем... непонятно! Вот что ты себя ведешь как маленькая? Ну кому нужна эта твоя девственность, ты что, решила ее продать подороже, что ли?

– Как это... Продать? Я не понимаю... Да и кому какое дело до моей девственности! – ставя перед ней тарелку с бутербродами, тихо возмутилась Анеля. – Это сугубо личная территория, ты что, этого не понимаешь?

– Ой, вот не надо мне сейчас про какую-то там территорию заливать... Я вижу, что ты вроде как умная, но и Егор тоже не из последних лохов! Егор вполне нормальный пацан, его все уважают, а ты! Да он же любит тебя, неужели ты этого не понимаешь?

– И что? Я ему чем-то за это обязана?

– Да не обязана ты... При чем тут обязана, не обязана? Я ж тебе объясняю, что его просто задело... Динамо твое задело. Он же пацан, он должен во что бы то ни стало свое взять, это для него вопрос принципа! Понимаешь ты это или нет?

– Нет, не понимаю. Пусть сам со своими принципами разбирается, я тут при чем? Я должна как-то отвечать за его эго? С какой это стати?

Кристина глянула на нее осторожно, отхватила крепкими зубами от бутерброда, потом принялась внимательно рассматривать длинный красный ноготь на указательном пальце. Долго разглядывала, потом вздохнула тихо:

– Вот завидую я тебе, Анеля, честное слово, завидую... Вроде ты и того... Не в себе немного, а по факту получается, что Егора будто на привязи держишь... Вот скажи, ты с ним тоже так разговариваешь, да?

– Как?

– Ну, такими словами... Эго, не эго...

Анеля пожала плечами, ничего не ответила. Ей очень хотелось, чтобы эта Кристина доела все бутерброды и ушла поскорее, но та и не собиралась уходить, наоборот, устроилась на стуле поудобнее, по всей видимости, собиралась довести до конца порученную ей функцию переговорщика.

– Ты молодец, конечно... Я хоть и на стороне Егора должна сейчас быть, но честно говорю – ты молодец! Я бы так не смогла, правда. И знаешь, что я тебе еще скажу? А так ему и надо, вот что! Это же, знаешь... Это как по шам дать... Я бы так не посмела, честное слово... У меня ведь с Егором все было, а потом он меня просто бросил, и все дела... Выходит, я проиграла, а ты выиграла, да? Победила?

– Ну, мы ж не на войне, чтобы кто-то из нас побеждал...

– Ну да, не на войне, кто ж спорит. Но любовь – она ведь та же война, разве не так? Чтобы быть с парнем, надо свои хитрости и подходы к нему знать! И пути отступления знать, и правила нападения!

– Нет, Кристина. Любовь – это не война.

– А что это, по-твоему?

– Да я сама не знаю... Когда полюблю, может, и смогу объяснить...

– А Егора ты не любишь, стало быть? Так ему и передать, да?

– Не надо ничего передавать, Кристина. Мы сами как-нибудь разберемся.

– Выходит, зря я к тебе приходила, что ли? Ты на это намекаешь, да?

– Выходит, что зря...

Кристина тогда ушла, на нее обидевшись. А Егор снова позвонил и снова просил прощения. И они снова встретились, гуляли, в кино ходили, сидели в кафе... И он вел себя так, будто ничего меж ними и не случилось. И вот опять... Опять к кому-то в гости ее зовет!

– Ну, чего ты задумалась, а? Идем или нет? – снова спросил нетерпеливо, пытаясь заглянуть ей в глаза.

– Нет, Егор... Я не хочу, правда. Настроения нет. А ты иди, если тебя ждут...

– Ну что я пойду один? Я ведь уже сказал, что с тобой приду... Ну пойдем, а? Ну что ты, в самом деле... На колени перед тобой встать прикажешь? А что? Уже к этому и идет... С ума меня скоро сведешь, ей-богу...

– Нет, Егор. Не уговаривай, я все равно не пойду.

– А чего так? Компания тебе не подходит? Скучно тебе, да? Или ты как хочешь, скажи? Чтобы все на днюхе по диванчикам сидели и книжки читали? А потом по-умному разговаривали, да? Ну уж прости, не все такие умные, как ты! Презирать нас теперь за это, что ли? А за такое презрение, между прочим, и по шам схлопотать можно!

– Ты сейчас угрожаешь мне, да?

– Нет. По-моему, я унижаюсь, какие уж там угрозы... Или ты правда хочешь, чтобы я на колени перед тобой падал да умолял?

– Ну зачем ты так, Егор... Не обижайся... Мне и правда домой надо, у меня курсовая работа не закончена, а завтра идти к преподавателю и показывать ее... Иди один, повеселись от души! Не обижайся, ладно?

– Да ладно, понял. Иди, что ж... Я позвоню тебе завтра.

– Хорошо... Тогда до завтра?

– До завтра, до завтра...

Все-таки скользнула обида в его голосе, когда произносил это «до завтра». И не обида, а что-то, что было похоже на злость, на раздражение. Так и несла она в себе эту нотку его раздражения, когда шла домой. И пожимала плечами в недоумении – зачем тогда все, непонятно... Зачем тогда звонит, зачем зовет встретиться, если злится? Неужели Кристина права и Егором только вопрос принципа руководит? Мол, пацан должен своего добиться во что бы то ни стало, иначе он не пацан?

Господи, как глупо все это, как пошло... И надо ему сказать, чтобы не звонил больше. И не приглашал никуда... Надо как-то разом покончить со всем этим, правда! Но как-то так, чтоб Егор не обиделся... Или не получится, чтоб его не обидеть? Так не бывает, наверное...

* * *

– ...Ты чего такая опрокинутая, доченька? Что с тобой? Я так всегда пугаюсь, когда ты такая...

Юля присела на диван рядом с Анелей, обняла ее за плечи, притянула к себе. Анеля ответила тихо:

– Да все нормально, мам... Просто задумалась немного, и все.

– Да уж, знаю я твое немного! Задумчивость – это твое обычное состояние! И не просто задумчивость, а полный уход в себя! Ну, где ты сейчас обитаешь, в каких облаках? Какой такой печалью опять маешься? С мальчиком поссорилась, да? С этим, как его... С Егором?

– Да я и сама не знаю, поссорилась или нет, мам...

– Как это? В данном вопросе промежуточного состояния не должно быть, по-моему! Он тебя обидел, да? Расскажи, что произошло, вместе разберемся!

– Ой, да я даже не знаю, как об этом рассказать... Нет, мам, я лучше не буду. Нет...

Юля отстранилась от дочери, долго смотрела на нее с улыбкой. Потом проговорила тихо, чуть вкрадчиво:

– А хочешь, я сама догадаюсь, что произошло? Мальчик близости с тобой добивается, да? Он решил, что время пришло, что пора бы... Сколько ж можно по улицам тебя выгуливать да по киношкам водить? Правильно я догадалась, да?

– А... А откуда ты знаешь, мам?

– Оттуда, Анеля, оттуда... Нынешние мальчики на раз-два просчитываются, они все на этом зациклены. Это они диктуют сейчас алгоритм отношений, и ничего с этим не поделаешь, время такое пришло. У каждого времени свои правила, понимаешь?

– Мам... Ты сейчас так говоришь... Мне не нравится, как ты все это говоришь. Это... Это пошло, я даже слушать этого не хочу! И вообще, прекратим этот дурацкий разговор, ладно?

Юля кивнула, снова улыбнулась грустно. Потом произнесла с тихой печалью в голосе:

– Что ж ты у меня такая, доченька... Такая несовременная. Учти, что тургеневские барышни сейчас не только не в моде, но и вообще бывают гонимы и осмеяны социумом... И как это я тебя упустила, а? Не знаю, как так получилось... Ведь я никогда тебе тургеневских барышень в пример не приводила! Но, выходит, воспитала совсем неправильно! И где я так ошиблась, в чем ошиблась, не понимаю?

– А бабушка говорит, что воспитание не играет никакой роли в становлении личности. Каким человек родился, с какой душой, с какой натурой, таким на всю жизнь и останется. А еще она говорит, что я вся в папу пошла...

– Ну, если бабушка говорит... – с едва скрытой досадой в голосе проговорила Юля и замолчала. Потом вздохнула так, будто попыталась подавить досаду, и продолжила: – Да, ты в папу, бабушка тут права, спорить не буду. А еще что она говорит, интересно? Что папа у тебя добрый и хороший, а я плохая и злая, да? Что испортила папе жизнь, верно?

– Нет, мам. Ничего такого она не говорит. То есть... Про тебя ничего такого не говорит, правда.

– Ой ли... Свежо предание, да верится с трудом. Ты просто говорить мне всей правды не хочешь, я ж понимаю. И то понимаю, какую обиду твоя бабушка на меня затаила.

– Ну, может, и затаила... Но это вовсе не значит, что надо эту обиду на меня вываливать. Бабушка, она ж такая...

– Ну да, ну да... Еще одна тургеневская барышня, только состарившаяся. Наверное, они все-таки неистребимы, эти тургеневские барышни. Жизнь их и так и сяк поколачивает, а они все со своей тонкой духовностью носятся.

– Мам... Духовность не может быть тонкой или толстой или еще какой-нибудь. Она просто духовность, и все.

– Ну ладно, ладно... Не учи мать жизни. Я ж ничего против твоей бабушки не имею, если по большому счету. Да и не о ней сейчас речь...

– Между прочим, бабушка за меня тоже переживает, мам. Как и ты. Говорит, как же я жить дальше буду, мол... Перед каждой дверью дрожать...

– В смысле – перед дверью дрожать?

– Ну, это она образно так говорит, понимаешь? Что я не смогу в нужное время нужную дверь открыть!

– А, теперь поняла, да... Но ведь и я с тобой о том же хочу поговорить, Анелечка! Вот хотя бы мальчика твоего взять... Ведь нормальный мальчик, видела я его, симпатичный такой! И что страшного в том, что он следует установленному алгоритму... То есть хочет того, чего все мужчины хотят...

– Мама, перестань! Прошу тебя! Мне неприятно!

– А ты спрячь пока свое неприятие и послушай, что мать тебе говорит! Я ж тебе не чужая, правда? Вот чего ты испугалась, скажи? Ты можешь четко и внятно сформулировать это свое неприятие? Ведь не можешь, правда? А если не можешь, я тебе помогу...

– Чем ты мне можешь помочь, мама? Ну чем?

– Не бойся, свечку держать не буду. Я тебе просто посоветую – открой свой паспорт, Анеля, и глянь в него повнимательнее. И подумай. Тебе уже двадцать лет, а ты... Еще никак и ни с кем... Да это же нонсенс по нашим временам, Анеля!

– Мам... Ты это серьезно сейчас? Ты... Мне... Серьезно сейчас говоришь?

Анеля отстранилась от матери, глядела на нее с ужасом. Так глядела, будто и не мать она ей вовсе, а незнакомая чужая женщина. Юля даже поежилась слегка под ее взглядом, проговорила чуть насмешливо:

– Ой, ой... Ну что я такого сказала, чего ты так всполошилась, господи? Да, тебе уже двадцать лет! Половина девчонок из твоего класса уже детей родили, а ты все сидишь и сказки себе придумываешь! Так и будешь до пенсии сидеть, да? Ждать, когда сказочная любовь нагрянет? Опомнись, Анеля, опомнись... Распахни глаза, оглядись вокруг. Ты уже не ребенок, милая моя, ты женщина! Стало быть, пора уже иметь какое-то представление о женской жизни!

– Мам, ты что... Я не понимаю тебя сейчас... Ты хочешь сказать, чтобы я... Вот так, с кем попало?

– Да отчего же сразу с кем попало, Анеля? Ты же встречаешься с этим мальчиком, правда? Значит, он тебе нравится?

– Да, я встречаюсь. Но только потому... Потому что не хочу его обижать... Я будто ответственна перед ним за то, что нравлюсь ему. Боюсь виноватой оказаться, понимаешь? Он звонит, приглашает меня встретиться, и мне отказаться неудобно.

– И вот опять ты рассуждаешь как маленькая! Что значит – не хочу обижать? Да ты его как раз и обижаешь тем, что соглашаешься встретиться, а потом отвергаешь, понимаешь ты это или нет? Лучше тогда совсем не встречайся, чем так! Хотя я бы на твоём месте... Ведь неплохой мальчик на самом деле! Ты присмотришься к нему, присмотришься... Как раз в этом отношении и присмотришься!

– В каком... в этом?

– Ну чего ты спрашиваешь! Сама понимаешь в каком!

– А зачем, мам?

– Ну вот опять... Зачем, главное. Да затем, Анеля, затем! Да хотя бы опыт какой-никакой у тебя бы проклюнулся! Пусть неудачный, но все же опыт! Как говорится, сын ошибок трудных! Опыт для женщины – вещь необходимая, доченька.

– Ну, так уж и необходимая...

– Да, необходимая! Чтобы не ошибиться потом... Чтобы знать, что к чему! Да чтобы вообще женскую жизнь как таковую иметь, если хочешь! Надо же когда-то ее начинать, чтобы представление какое-то о ней было! Зачем тебе такая дремучесть в этом щекотливом вопросе? И не смотри на меня так, ради бога, будто я какие-то ужасные вещи тебе говорю! Я ж вынуждена их говорить, никуда не денешься, если уж такая планида материнская мне выпала... Другие матери не знают, как своих дочек от лишнего опыта уберечь, а у меня – все наоборот... И ведь не знаешь даже, что лучше, что хуже!

– А я не хочу так, мам. Я верю, что у меня все будет не так... Все по-другому будет!

– О господи... – вздохнула Юля, в изнеможении прикрыв глаза. – Не понимаешь ты меня, не понимаешь... До такой степени не понимаешь, что я боюсь за тебя – как ты жить дальше собираешься, а? По-прежнему в своей невесомости плавать?

– Вот-вот, мам, точно... – тихо засмеялась Анеля, осторожно оглаживая мать по плечу. – И ты вслед за бабушкой сейчас повторяешь... И даже голос у тебя такой же тревожно-печальный, те же самые нотки – как жить дальше будешь, как! Еще скажи про каждую дверь, перед которой я стану дрожать...

– Но ведь и в самом деле так получается, согласишься? Ведь надо же когда-то выплывать из своей невесомости и начинать жить нормальной человеческой жизнью?

– А я что, нечеловеческой жизнью живу?

– Нет.

– А какой тогда?

– Марсианской.

– Хм, здорово звучит... Мне нравится, да...

– Ну, мало ли что тебе нравится! Всякому бы понравилось, да выходить на земную орбиту все равно надо!

– А зачем, мам? Разве я кому-то мешаю?

– Да как это – зачем? Затем, чтобы жить! Вперед идти! Шишки набивать, коленки вдрызг, морду всмятку, но – вперед! Или ты собралась всю жизнь прожить в состоянии инфузории-туфельки? Ты пойми, все живут в постоянном преодолении, мир так устроен... И время от времени раны залечивают, становятся сильнее. Мальчики мужчинами становятся, а девочки – женщинами. И тебе тоже надо! Учись на мир смотреть не распахнутыми глазами-блюдцами, а хитрым прищуром! Учись видеть людей, понимать их!

– А я и так всех вижу и понимаю, мам... Вижу, кто хороший, а кто плохой.

– Да что ты там видишь? У тебя ведь свои оценочные критерии, довольно-таки однозначные... Кто книги читает да философствует, да кто в облаках витает, как ты, тот для тебя и хороший! Нет, я не спорю, может, и хороший, конечно... Но где ты сейчас такого парня найдешь? Разве что ботаника какого...

– Я не собираюсь никого специально искать, мам. Ну как ты себе это представляешь, а? Вот хожу я и ищу... Даже звучит смешно, согласишься!

– Ой, Анелька... Страшно мне за тебя, страшно... Вот возьмешь и влюбишься не в того! В какого-нибудь абыззера влюбишься, и он тебе всю жизнь испоганит! С твоей-то фантазийной эмпатией, да запросто... Начнешь потом страдать... Вот зачем, зачем ты этого Егора отшиваешь, можешь объяснить вразумительно? Нормальный же парень... Такой же, как все сейчас... Он что, совсем тебе не нравится, да?

– Мам, ну что ты опять про Егора...

– Так нравится или нет? Ведь ты же с ним встречаешься, значит, нравится?

– Да, мы встречаемся. Но я ж тебе объясняю – мне просто не хочется его обижать. И я прекрасно знаю, что он не тот... Он все равно не тот, мам... Не тот... Он скучный, мам...

– Что значит – скучный? Но ведь о чем-то ты с ним разговариваешь, верно? Не молча же вы гуляете?

– Ну, как сказать... Наверное, ему тоже со мной скучно. Поэтому он все время в телефоне сидит. Ой, да что говорить! Он же общаться умеет только смайликами и сложенными вместе ладошками! И без конца себя фотографирует! И со мной пытается селфи делать! Я однажды увидела, как он подписал такую фотографию, когда ее в Сеть выложил!

– Ну и как же он ее подписал?

– Моя прикольная чика... Представляешь, я чика прикольная, мам... Только и всего...

– Ну пусть чика, и что? Это сленг такой... Просто парень живет на волне этого сленга, что тут страшного? Это жизнь сейчас такая, Анеля... И надо ее принимать, хочешь ты этого или не хочешь!

– Я не хочу, мам. Не хочу...

– Не хочешь, да жизнь заставит. Ты просто не влюбилась еще...

– Вот когда влюблюсь, тогда и посмотрим! Я все равно встречу того, своего, я знаю!

– А, ну про него я уже слышала... Про того единственного и неповторимого, который подарок судьбы, который всем дается только один раз по праву рождения! Да ты хоть помнишь, в каком месте ты об этом читала? Какой-то идиот написал про этот подарок, а ты и поверила!

– Я нигде про это не читала, мам... Я сама к такому выводу пришла. И я знаю, что так и будет.

– Да ерунда это все, Анеля! Полная ерунда! Если бы все женщины сидели и ждали того самого, который по праву рождения им предназначен, то человечество давно бы уже вымерло! К счастью, никто никого не ждет. Берут то, что могут взять по возможности, и живут счастливо, детей рожают! И думают при этом, что жизнь вполне себе удалась!

– Ну чего ты опять сердишься, мам? И вообще, разговор у нас какой-то странный выходит...

– Да не сержусь я, вовсе не сержусь! Просто боюсь за тебя, вот и все! Нельзя жить одними только фантазиями, надо отделять мух от котлет! Фантазии в одной комнате, а реальная жизнь – в другой. И если уж тебе так хочется, можешь плавать из одной комнаты в другую... Будто тебе пятнадцать лет, а не двадцать. Но ведь пора когда-то и жить начинать, правда?

– Мам... А правда, что папа тебя до сих пор любит? Столько лет прошло, как вы развелись, а он...

Юля моргнула от неожиданности, нахмурила лоб, долго глядела на дочь, не зная, что ответить. Потом спросила немного насмешливо, будто старалась укрыться от возникшей неловкости:

– Кто тебе сказал, что любит? Бабушка, что ли?

– Ну да... А что, разве не так?

Юля снова замолчала, резко отвернув от дочери взгляд. Никогда она раньше не задавала ей подобных вопросов. И сейчас не хотелось ничего отвечать... Вообще не хотелось трогать эту тему. Но Анеля снова спросила, уже более настойчиво:

– Ведь любит, мам, правда? Он и живет один... И ты тоже одна... Но если папа тебя любит, то почему тогда... Почему ты сама с ним развелась, мам, скажи? Ведь ты мне только что говорила, что...

– Ну, мало ли что я говорила! Да и не обо мне сейчас речь...

– Ну почему, мам? Почему?

– Потому что это моя территория, Анеля. Тебе не надо туда заходить. Ты прекрасно знаешь, что я очень люблю тебя, что папа любит тебя... А остальное...

– А остальное меня не касается, да?

– Да, если хочешь. Есть обстоятельства, о которых тебе знать не надо. И не обижайся на меня, ладно?

– Да я не обижаюсь, что ты... Просто я хотела знать, почему все так получилось... В какой момент ты вдруг поняла, что с папой жить не можешь? И вообще... Как это все бывает, мам?

– О господи, да все очень просто, Анеля! Так вышло, что поняла, и все тут! Потому что... Ладно, скажу все, если уж тебе хочется знать. Скажу... Мы с папой очень хорошо жили, да. Но я встретила того... Того самого, который, как ты говоришь, по праву рождения предназначен... И поняла, что смогу быть только с ним, а папу обманывать не смогу... Да и не хочу...

Анеля смотрела во все глаза на мать, казалось, даже дышать перестала. Потом спросила, тихо и удивленно:

– А почему вы тогда не вместе с ним... Который по праву рождения... Ведь он же твой, если по праву...

– А нет никакого права, Анеля, вот в чем дело. Право на такую встречу, может, и есть, а остальное – уж как у кого получится.

– Но почему, мам?

– Да все очень просто. Он женат. Он не может оставить свою семью.

– И вы никогда-никогда не будете вместе, выходит?

– Не знаю... Может, и будем. Все может быть...

– Но... Вы же встречаетесь, да?

– Да, Анеля, да... Только никто об этом не знает. Я даже не хотела, чтобы и ты знала, жалею уже, что сказала тебе.

– Ну, если уж сказала... Может, ты меня с ним познакомишь?

– Да как? Как я тебя познакомлю, с твоими-то представлениями о добре и зле? Да и зачем... Не надо, Анеля. Это моя боль, и я сама ее нести должна, понимаешь?

– Но почему же боль, мамочка... Это же счастье, что ты встретила того самого... Все равно счастье! И я тоже встречу, обязательно встречу, я знаю!

– Ну ладно, ладно, пусть будет так... И вообще, ну тебя, Анелька! Разбередила мне душу... Все, все, больше не будем об этом говорить, не будем! Все!

Юля смахнула быструю слезу из уголков глаз, шмыгнула носом, улыбнулась. Анеля хотела что-то сказать, но Юля опередила ее, выставив упреждающе ладонь вперед:

– Все, не надо... Давай сменим тему! Лучше скажи... Не думаешь ли ты, что ошиблась в выборе профессии? С твоим-то романтическим отношением к жизни... Все-таки журналистика предпочитает людей с другим складом характера...

– С каким другим, мам?

– Ну... С более пробивным, что ли... Журналист – он же материалист отъявленный, зоркий пронира, сыщик... Охотник за информацией, которую без боя и напористой наглости не получишь. А у тебя таких качеств и нет совсем...

– Да, согласна. Но мне нравится учиться, мам. Очень нравится.

– Ну... Учеба – это одно. А настоящая работа – другое. Сможешь ли ты заставить себя быть напористой, наглой даже?

– Да вовсе это необязательно, мам... Вот моя любимая преподавательница, Анна Антоновна, она совсем не такая, и тем не менее долго в литературном журнале работала, замечательные статьи писала. Она умная, тонкая, интересная... С ней разговаривать – одно удовольствие, мы с полуслова понимаем друг друга!

– Это та самая преподавательница, к которой ты завтра курсовую на дом понесешь?

– Ну да... Та самая. Представляешь, она только что из больницы выписалась и сразу мне позвонила, пригласила к себе... Жалко, если она из института уйдет.

– А что, может уйти?

– Ну да... Я ж говорю, она болеет. Врачи ей работать не разрешают. Жалко... Такой преподаватель замечательный! И человек тоже...

– Хм! Ты так о ней говоришь... Я даже ревную немного. Прямо глаз у тебя горит, когда о ней рассказываешь!

Юля засмеялась, обнимая дочь за плечи и притягивая к себе. И тут же добавила быстро:

– Ладно, не буду к тебе с разговорами приставать, коли так... Дописывай свою курсовую! Вдруг тебе до завтра времени не хватит, и твоя Анна Антоновна недовольна будет! А я виноватой останусь...

Юля ушла, и Анеля вновь занялась курсовой, то есть перечитала еще раз готовый материал, внося необходимые правки. И так увлеклась, что с неудовольствием глянула на телефон, когда тот запел призывной мелодией. Когда увидела, что звонит Егор, поморщилась досадливо, но все же ответила:

– Да, Егор, слушаю...

– Слушаешь, говоришь? Снизойти решила и послушать меня, да? Ой, спасибо, я весь растекся по стакану от радости...

Анеля оторвала телефон от уха, глянула перед собой в недоумении – чего это он так с ней? Пьяный, что ли?

Наверное, пьяный. Музыка фоном слышна, и крики-визги какие-то. В полном разгаре тусовка, стало быть. Ну и пусть бы веселился на здоровье, зачем ей-то звонить?

– Эй... Ты где там? Обиделась, что ли? Ау...

– Я не обиделась, Егор. Это ты на меня все время обижаешься. Только я не пойму почему... Каждый ведь занимается тем, что ему нравится, правда? Тебе тусоваться нравится, а мне курсовую писать, только и всего.

– Ага... И ты думаешь, что вроде как лучше меня, да? Что ты вся из себя хорошая, а я плохой?

– Ты пьяный, Егор... Не умею с тобой разговаривать, когда ты такой.

– Да какой, блин? Какой? Да ты даже не хочешь попытаться расслабиться, голову свою освободить, гоняешь в голове про себя эту фигню, что ты какая-то особенная! А на самом деле... Сама же себе жизнь портишь, вот и все...

– Ну, чего ты замолчал? Какая я на самом деле, Егор?

– А вот приезжай, и скажу... Падай прямо сейчас в такси и приезжай. Ну, пожалуйста, Анель... А то я сижу тут как дурак, напиваюсь и все думаю о тебе, думаю... Приезжай, а? Пожалуйста...

– Нет, Егор. Никуда я не поеду.

– Ну почему? Почему?

– Не хочу.

– Ну и дура... Да кому ты вообще будешь нужна такая? И сиди тогда, больше вообще тебе не позвоню! Не думай, что я буду бегать за тобой как последний лох, поняла? Достала меня уже... До печенок достала! Да ты же...

Анеля не дослушала, быстро нажала на кнопку отбоя, потом подумала немного и совсем отключила телефон, даже положила его от себя подальше. Снова попыталась вникнуть в курсовую, но не получилось... Будто неуклюжая досада Егора поселилась в ней и царапалась изнутри, не давала покоя. И злые хмельные слова отдавались в голове эхом – кому ты будешь нужна такая? Кому? Кому?

* * *

– ...Анна Антоновна, здравствуйте... Это Анеля Никонова, мы с вами договаривались о встрече... Моя курсовая работа уже готова. Вы обещали посмотреть...

– Да, Анеля, я помню! Как же, конечно! Сегодня можете прийти? Курсовая полностью готова?

– Да... А как вы себя чувствуете? Может, лучше в другой день? Вы же только что из больницы выписались?

– Да отлично я себя чувствую! Правда, преподавать пока не смогу... Говорят, нельзя. Но своих студентов я не брошу, особенно таких способных, как вы, Анеля!

– Спасибо... Спасибо большое! А в котором часу мне прийти?

– Давайте в четыре... Нормально? И занятия не пропустите...

– Да, я в четыре буду у вас.

– Ну, тогда до встречи... Жду...

Анеля сунулась было убрать замолчавший телефон в карман рюкзака, но он зазвонил снова, явив на дисплее знакомое имя. Господи, опять Егор... И ведь понятно, что он сейчас говорить будет! И каким голосом! Ясно же, что успел выспаться после тусовки, смелость хмельная прошла, и досадное чувство обиды за свое же хамоватое поведение теперь гложет... Опять извиняться начнет, занудно и в то же время с обидой. Вот, мол, смотри, как я перед тобой унижаюсь!

А может, вообще ему не отвечать? Сбросить звонок, отключить телефон... В конце концов, она имеет на это право. Но с другой стороны... Все это неправильно как-то. Нельзя так высокомерно к человеку относиться, тем более если он виноватым себя чувствует. Нельзя...

– Да, Егор, слушаю! – вздохнув, обреченно проговорила в трубку Анеля.

– Привет... Сердишься на меня, да? Я вчера опять накосячил... Наговорил тебе всякой фигни... Прости меня, а? Слово даю, больше не буду... Ну чего ты молчишь, а? Ну скажи хоть что-нибудь, чего ты...

– Я не знаю, что тебе сказать, Егор. И правда не знаю. Наверное, я не умею общаться в той тональности, которая для тебя привычна и удобна. И поэтому нам лучше все-таки...

– Нет! Нет, Анеля! Вот не надо мне сейчас говорить, что нам лучше вообще не встречаться! Я ж говорю – не буду больше... Давай мы это, ну... Как-то это...

Егор замолчал, мучаясь над нужной формулировкой, но так ничего и не вымучил, только сопел в трубку натужно. И Анеля маялась этим его молчанием, даже что-то похожее на чувство вины ощущала, что не может ему помочь... Не может и не хочет. Ну вот чем, чем она ему может помочь, интересно? Добрым советом? Иди, мол, книжек побольше читай, развивайся духовно, чтобы мы могли говорить на одном языке? Можно себе представить, как он на эти словаотреагирует... Лучше и совсем не представлять.

– Ну, в общем... Давай вечером с тобой встретимся и поговорим, а? – вырuling из неловкой паузы в разговоре Егор. – А потом в кафе сходим или в кино... А если хочешь, то и на выставку...

– Какую выставку?

– Ну, какие они там бывают... Тебе виднее, я ж в этом во всем не разбираюсь. Я ж для тебя лох дремучий, понятно. Вот и веди меня на выставку, развивай, чтобы я умным стал. Все в твоих руках, че!

Анеля поехала от этого звонко произнесенного «че», понимая, что оно звучит неким вызовом. И тут же захотелось прекратить разговор, потому произнесла сурово, как только смогла:

– Нет, Егор, никуда я с тобой не пойду. То есть не смогу никуда пойти... Я иду курсовую показывать на дом к преподавателю. Не знаю, сколько это времени займет, может, весь вечер.

– Ну, так и нет проблем! Давай я с тобой пойду к твоему преподавателю!

– Как это – со мной? Как ты себе это представляешь?

– Да нормально как... Пока ты про свою курсовую трещишь, я рядом посижу тихонько, послушаю... Глядишь, к чему-нибудь умному приобщусь, ага! Получается двойная польза! О чем там твоя курсовая, а?

– Я тебе уже рассказывала, Егор... О «яшкиных детях»... Это по повести Галины Щербаковой, она так с Чеховым пытается спорить... Долго объяснять, да и не надо, в общем... Если ты не помнишь ничего.

– Да вспомнил я, вспомнил! Там еще этот лакей Яшка... Будто бы он страшный хам, наплодил хамских детей по белому свету! Прикольно, ага... Вроде того, что нынче кругом одни хамы, да? Ну, так и покажешь на меня пальчиком своему преподавателю, а чего? Скажешь – вот, гляньте... Я вам такого хама домой привела для живого примера... Ты ведь меня хамом считаешь, я знаю!

– Ну зачем ты так, Егор... Не надо...

– А чего не надо-то, если надо? Ну да, я хам... Так и возьмишь за мое исправление и перевоспитание, и флаг тебе в руки! Вот он, сам тебе с потрохами сдаюсь, не побрезгуй! Чего опять замолчала, а? Ладно, ладно, не бойся, это я шучу так насчет того, что вместе к преподавателю пойдем... Не пойду я никуда, не бойся. Я тебя у подъезда подожду, на лавочке посижу. Ты где сейчас, дома?

– Нет... Я на занятия еду. У меня сегодня три пары. А потом сразу к преподавателю промчусь. Так что извини...

– А чего сразу извини? Я тебя после третьей пары встречу и провожу!

– Да не надо, Егор...

– Надо! Что тебе, жалко, что ли? Может, я тебя увидеть хочу? Все, давай, до встречи...

Выйдя после занятий из института, Анеля и впрямь увидела Егора. Стоял в сторонке с букетом розовых роз, вглядывался в толпу выходящих студентов. И держал эти розы так, будто и сам себя стыдился. Мол, стою тут как дурак с чистой шеей... Настя Петрова, которая шла рядом, даже засмеялась тихо и проговорила насмешливо, наклонившись к Анеле:

– Смотри, до чего ты парня довела... Такими темпами он скоро стихи начнет писать и по-гусарски шпорами щелкать! А ты напишешь диссертацию на эту тему... Дарвин со своей эволюцией будет просто нервно курить в сторонке!

– Да перестань, Настя... Нельзя же так пренебрежительно говорить о человеке, перестань...

– Ну-ну! Я понимаю, конечно, понимаю! Ладно, иди, твой потенциальный гусар уже увидел тебя, занервничал! Успехов тебе в будущей диссертации, Никонова!

Настя засмеялась и убежала, и Анеле ничего не оставалось, как подойти к Егору, взять в руки протянутый букет розовых роз. И проговорить с легкой досадой в голосе:

– Ну зачем ты, Егор...

– А что, не надо было? Не угодишь тебе... И так не нравится, и этак... Или ты розы не любишь, другие цветы любишь?

– Да я не про цветы, Егор... Не надо было меня встречать, зачем? Я ж тебе объяснила по телефону, что к преподавателю после занятий поеду!

– А я тебе объяснил, что проводить хочу! Ну что тебе опять не нравится, что? Может, мне еще на одно колено надо припасть и к ручке твоей приложиться?

В голосе Егора слышался явный вызов, похожий на раздраженную обиду. И в то же время глаза у него такие были... Почти собачьи. Мол, не видишь разве, что я не в своей тарелке ради тебя... А ты... Не надо было встречать, говоришь... И цветам не шибко обрадовалась!

– Ладно, пойдем на автобусную остановку, мне нельзя опаздывать! – решительно произнесла Анеля, поправив лямку рюкзака на плече.

– Да зачем? Я сейчас такси вызову...

– Не надо такси, Егор! Поедем на автобусе!

– Ну ладно, как скажешь... Если тебе хочется в толпе ехать, как скажешь...

На остановке и впрямь было много народу, но Егор проскочил первым и ловко занял два места, усадил ее у окна и даже успел огрызнуться на какую-то тетку, которая, пока Анеля не зашла в автобус, попыталась усесться на занятое для нее Егором место. Перепалка получилась короткой, но довольно яростной, была остановлена пробравшейся к ним кондукторшей, вставшей на сторону Егора:

– Женщина, ну что вы вредничаете-то, успокойтесь уже! Не видите, кавалер для барышни своей место занял? Вишь, какая у него барышня-то, с цветочками... Любо-дорого посмотреть... Где сейчас еще такое увидишь-то, а? И не надо скандалить, лучше полюбуйте на них, красавчиков...

Тетка, претендовавшая на Анелино место, насупилась, но смолчала, лишь глядела исподлобья обиженно. Анеля хотела было подняться, чтобы уступить ей место, но Егор силой усадил ее обратно, дернув за локоть:

– Сиди... Правильно ей кондукторша сказала – пусть нами любитесь... И тебе пусть завидует... Такого парня себе отхватила, ага?

И сам же засмеялся своей неуклюжей шутке и подмигнул Анеле – сиди! Ей ничего не оставалось, как отвернуться к окну... И подумать при этом с грустью – вот что бы сказала Настя Петрова, если б ей удалось понаблюдать всю эту картинку? Что Дарвин перестал нервно курить в сторонке и в ужасе схватился за голову? Или совсем упал в обморок?

Когда подошли к подъезду дома Анны Антоновны, Анеля повернулась к Егору, произнесла решительно, как смогла:

– Не надо меня ждать, Егор, пожалуйста! Может, я там долго буду! Иди домой, а? Ну правда...

– Никуда я не пойду... Чего ты меня гонишь все время! Дождусь тебя, потом погуляем... Не до ночи же ты будешь сидеть!

– Ну зачем, Егор...

– Зачем, зачем! Хочу я так, вот зачем! Иди, я здесь буду, вон на той скамейке... Буду сидеть и о тебе думать... Иди, а то опоздаешь, уже без пяти четыре! Нехорошо к преподавателю опаздывать-то, поди!

– Да, нехорошо... Ладно, тогда цветы возьми!

– А чего так?

– Ну что я с цветами зайду, мне неловко... Анна Антоновна подумает, что я для нее цветы принесла! А я ведь не в гости иду, я по делу!

– Ну ладно, если так... Ладно, с цветами буду сидеть...

Анеля сунула ему в руки букет, быстро подошла к двери, набрала на домофоне номер квартиры и тут же услышала приветливый голос Анны Антоновны:

– Да, Анеля! Заходите, жду вас!

Дверь щелкнула и открылась, и Анеля нырнула в нее, даже не обернувшись. И досадливо подумала про Егора – вот же какой настырный, а? Еще и с цветами этими так некстати...

Наверное, со следами этой досады на лице и позвонила в дверь, и она тут же открылась... Только встретила ее вовсе не Анна Антоновна. В дверном проеме стоял высокий парень с яркими улыбчивыми глазами. Такими яркими, что ей тут же захотелось зажмуриться.

Она потом долго вспоминала, как увидела его впервые. И ему тоже рассказывала, никак слов нужных не могла подобрать, пытаясь объяснить, что с ней произошло... Но ведь произошло, в самом деле! Сразу! В одну секунду! И слов таких наверняка уже нет, чтобы объяснить, давно все слова по всяким местам разобраны! Ну как, как выразишь это чувство словами? Голову потеряла? Остолбенела? Солнечный удар сразил? Любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь?

Не думала она тогда о любви, вообще никаких мыслей в голове не было. Только крутилось где-то на краешке подсознания – дверью ошиблась, наверное... Сейчас он так и скажет – вы дверью ошиблись, закроет ее перед ней, навсегда и навеки!

Так и стояла перед ним остолбеневшая. И глаза распахнула, и рот некрасиво приоткрыла – ну совершенная идиотка, если со стороны посмотреть! И он тоже стоял молча, внимательно ее разглядывал, продолжал улыбаться как ни в чем не бывало.

– Матвей! Я же тебе сказала – я сама дверь открою, Матвей... – услышала она откуда-то издали голос Анны Антоновны, и как будто ласковой рукой кто-то по напряженным нервам огладил, подарил осознание – успокойся, мол, глупая, он не закроет перед тобой дверь... Здесь Анна Антоновна живет, в этой квартире. А вот и она сама появилась, накинулась насмешливо на этого парня:

– Ну что ты мчишься вперед меня, кто тебя просит! Я ж говорю, это ко мне пришли... Смотри, напугал девушку до смерти!

И, повернувшись к ней, проговорила с вежливой улыбкой:

– Заходите, Анеля, не стесняйтесь... Проходите в гостиную... Сейчас мы с вами курсовой займемся. А может, вы чаю хотите, Анеля?

– Нет, нет, спасибо... – скукожилась от неловкости Анеля, переступая порог.

Матвей по-прежнему стоял в прихожей, смотрел на нее внимательно. Потом проговорил тихо:

– Какое красивое имя – Анеля... Впервые такое встречаю...

– Да уйдешь ты или нет, в конце концов? – снова накинулась на него Анна Антоновна. – Не мешай, пожалуйста! Девушка тебя стесняется, уйди с глаз долой!

– А отчего вы чаю не хотите, Анеля? – не обращая внимания на гнев Анны Антоновны, спросил Матвей. – У нас такой чай вкусный, нигде такого нет... Папа из Шри-Ланки привез, он там полгода местных медиков обучал... Они ему в благодарность спецпрезент организовали, такого чая вы точно никогда и нигде больше не попробуете! Только для избранных персон предназначен! А в Шри-Ланке в чае разбираются, как известно! Вы когда-нибудь были в Шри-Ланке, Анеля?

Она хотела ответить – нет, мол, не была, но не успела. Анна Антоновна уже вполне серьезно рассердилась на Матвея, глянула так, что он и впрямь поспешил ретироваться из прихожей, выставив ладони успокаивающим жестом – все, все, ухожу...

– Вот же обормота приставучего вырастила, а? – повернулась она к Анеле с извиняющейся улыбкой. – Не обращайтесь на него внимания, он со всеми такой...

Почему-то Анеля вовсе не обрадовалась этому ее пояснению. Почему-то очень хотелось знать, что это он только с ней такой... Такой приставучий. Только с ней – и больше ни с кем...

В гостиной они расположились в мягких кожаных креслах, и Анеля проговорила с улыбкой:

– Я вам отправляла курсовую на электронную почту, но и распечатала тоже на всякий случай... Вот...

И тут же извлекла из рюкзака курсовую, положила аккуратно подшитые листы на журнальный столик перед Анной Антоновной.

– Да, спасибо, что распечатали... Ужасно не люблю с экрана читать. Восприятие не то получается. Я поэтому и книги не люблю с электронки читать... Кажется, будто предаю сам процесс чтения как таковой. Мне нужно, чтобы странички шелестели, чтобы перелистывать их... Наверное, это ужасно несовременно, да?

– Почему? Я тоже люблю бумажную книгу в руках держать... Я даже обниматься с ней люблю, и разговаривать люблю, и благодарить, если мне что-то очень понравилось!

– Правда? – с доброй улыбкой глянула на нее Анна Антоновна. – Как же мы с вами похожи, Анеля... Смотрю на вас и думаю – я такой же в юности была! Такой же немного

неуклюжей и ужасно милой... Я помню, как глупо страдала от этой своей неуклюжести и скованности! И только потом поняла, что это и было моей изюминкой, моей отличительной особенностью. Как сейчас говорят – фишкой... Ну что же, давайте посмотрим, как вы свою курсовую написали? Небось, ударились в рассуждения по поводу нынешних «яшкиных детей», тоже с Чеховым поспорили, как Галина Щербакова? Сильно по ним прошлись, да?

– Ну что вы, Анна Антоновна... Как я могу...

– А отчего же нет? По-моему, эта тема просто неисчерпаема. Каждому времени полагаются свои «яшкины дети». Вы же будущий журналист, вы же должны уметь спорить, опровергать, на своем мнении настаивать!

– Да, я там высказываю свою точку зрения... Во второй части...

– И какова же ваша точка зрения?

– Ну, если коротко... По-моему, современные «яшкины дети» очень даже счастливы. Может, парадоксально звучит, но именно своим невежеством и счастливы. Оно дает им чувство уверенности в себе, в своей бездуховной по сути жизни. Разве не так, скажите?

– Да, наверное... Только вы же ничего нового не открыли, Анеля. Это еще царь Соломон сказал, что многие знания порождают многие печали. А если человеку не нужны эти многие печали, то что ж... Это новая реальность такая, это вам теперь жить в новой реальности.

– И вам...

– Ну, моя молодость другие времена застала, слава богу. Когда за книгами в очереди стояли, когда журналы до дыр зачитывали, передавая из рук в руки... Я помню, как мои родители собирали в доме компанию друзей, чтобы читать вслух первую публикацию Солженицына в «Новом мире»... Маленькая еще была, а запомнила, как у всех глаза горели, какие лица были прекрасные. Как потом обсуждали прочитанное, спорили... Да что говорить, это другое поколение было. Своей духовностью счастливое.

– А в новой реальности, стало быть, счастливы бездуховностью? Так получается?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.